

ДНЕВНИК

24 марта 1949 года – 3 мая 1950 (?) года

24 марта. Часть школьников готовится к выступлениям, предусмотренным 27 марта. Разные репетиции. После репетиций я иду на своё прежнее место жительства, где встретил мать с новостями. Поздно вечером вернулся в школу. Все были во всяких раздумьях, потому что по дорогам опять ездили машины с вооружёнными солдатами. Иду спать. Ночью сон прервал торопливый сильный стук во входные двери школы. Директор впустил гостей, которые оказались солдатами. Войдя в канцелярию, они велели назвать всех мальчиков и девочек, которые ночевали. После этого один солдат назвал меня (ещё П.Д, Э.Б., С.Л.) и ещё других по телефону в мазсалацкую милицию. Мы с П.Д. это слышали. Второй раз ночью опять стучали очень долго и потребовали Э.Б. – школьника 3 класса, которого и выдали. Появилось подозрение – наверное, аресты. Так с этими мыслями и легли спать оба с Петерисом.

25 марта. Уже рано с утра идут машины с одной стороны в другую. Провели только один урок, потому что всех учителей вызвали в исполком д. Силземниеки. Позже видели, как машины увезли Э.Б. и других арестованных, тогда и понял, что мне и Петерису нужно будет разлучиться с Родиной. Директор созвал нас в одном классе, нужно было читать книги и т.д. После обеда к дверям школы подъехали две машины, куда посадили меня и Петериса. Со слезами на глазах я простился с И. Апсите и бросил последний взгляд на школу, в которой провёл много лет. В сердце ныла большая боль, потому что не успел закончить седьмой класс и были оба с братом без других родных. В машинах ехали в Мазсалацу. По дороге ещё посмотрел на отцовский дом, который остался мрачно спрятавшись в липах. Возле Цейпа подъехали к родителям и пересели в их машину. Петерис уехал в Мазсалацу, а мы в дом «Дзягужи», где арестовали и их. После этого обратно в Бланку, где ещё посадили других, потом в Мазсалацу, где по улицам ехали на самой большой скорости и отдали последние приветы руками родным и знакомым. Возле Сниедезна остановились, потом ехали в Валмиеру. В Валмиеру въехали поздно вечером. И тотчас нас везли на станцию и загрузили в вагон № 54. Туда же погрузили и Витолсов, Лачкалнсов, и людей из нашей машины. В вагоне было 23 человека. Так всё обговорили и легли спать. Этот эшелон специально обустроен для нас. Нары и печка.

26 марта. Туманное и неясное рассветает субботнее утро. Мы ещё в Валмиере и обсудили, что вся природа в трауре по нам, потому что погода очень туманная. По-прежнему подвозят арестованных. Нас

охраняют солдаты, которые со штыками на конце винтовок ходят вокруг. Около обеда все эшелоны соединяют. Мы ещё каждый пишем письма и посылаем последние приветы всем и Родине. Под охраной солдат выпустили облегчиться и сходить за водой. Везде всё-таки охраняют солдаты. Так наступил вечер, охрана меняется второй раз. Мы ложимся спать с неизвестностью – что принесёт утро. Начинает темнеть.

27 марта. Рано проснулся. Поезд идёт в неизвестном направлении. Сначала думали, что в Ригу, но оказалось, что в Валку. В Стренчах открыли дверь, чтобы могли облегчиться. Утром простились с границами Родины, потому что въехали уже в Валку. Солдаты едут с нами и бегают по крышам вагонов. Проехали Эстонию. Я наблюдаю всё, что по обочинам. Под вечер въехали в Псков. Уже раньше наблюдали «богатую, красивую и культурную» Россию со зданиями с соломенными крышами. Вдоль железной дороги отходы. Было уже темно, когда въехали на станцию Дно. Дали нам и ужин : Колбаса, Хлеб, Масло, Макароны и капустный суп. Все были счастливы – особенно мы - у нас не было слишком много продуктов из дома. Поели и легли спать. Ехали всю ночь.

28 марта. Утром въехали в Бологое. Где опять дали есть: Кашу, масло, суп и хлеб. Слышали также как на улицах Бологое играл громкоговоритель « Сеяла овёс тауту мейта» и ещё одну Латышскую песню. Здесь стояли долго.

29 марта. Въехали в Рыбинск. Потом поехали дальше и вечером въехали в Ярославль, где решался путь: в Коми АССР или в Сибирь? Поели и ужин: Капусту, кашу и хлеб. Выехали из Ярославля в Сибирь.

30 марта. С утра въехали в Бийск. Дали есть: Кашу, капусту с сосисками и хлеб. Проехали Волму, Свечи и Котельничи.

31 марта. Въехали в Киров.

1 апреля. Въехали в Молотов.

2 апреля. Проезжали Уральские горы. Всюду очень красивые виды. В некоторых местах видны. Красивые долины и ельники.

3 апреля. Воскресенье.

4 апреля. Утром въехали в Свердловск, где также дали есть. Потом в Челябинск и Петропавловск. Мы въехали в Казахстан. Очень бедные виды. На одной маленькой станции два мальчика даже шли вдоль вагонов и просили копеечки. Одна женщина собирала в сумку каменный уголь, будто бы нет дров, чем топить.

5 апреля. Въехали в Омск, где тоже дали есть.

6 апреля. В Новосибирске.

7 апреля. Въехали в Тайгу или в Кемерово. Были очень удивлены, когда ехали в западном направлении. После этого въехали в Томск -1. Думали, что будут выгружать, но поехали дальше в Томск -2. Оттуда в город Асино. В Асино въехали вечером и получили приказ открыть двери на второй половине и вынести вещи. Вначале стали везти на двух машинах и тракторе ХАТУ. У которого сзади была пристроена лыжа. Был уже поздний вечер, когда подошла наша очередь. Дорога, по которой нас везли, была очень неровной. Болтало невыносимо. Тогда нас завели в бараки. Выделили маленькую комнату, где нужно было разместиться 4-м вагонам. Ночью спать не получилось, я немного приболел. Так наступило

8 апреля утро. Ослабевшие (исхудавшие) гуляли. Повсюду было очень много людей. Позже тех, кто понимал по-русски, созвали в одно помещение и сообщили, что здесь нужно будет жить всю жизнь. Тогда по вагонам звали подписать этот приговор, от 16 лет – всем родителям. Начали ехать люди из колхозов, чтобы отвезти нас на новые места жительства. Так наступил вечер. Мы ещё остались в бараках.

9 апреля. Вызвали подписаться наш вагон и решили. Нужно ехать в колхоз «Свобода». Петерис уехал в другой колхоз. Так мы выехали в новое место жительства. По дороге мёрзли. На лошадях сидеть не пустили. Велели идти пешком. Так поздно ночью въехали в деревню. Нас завели к одному русскому в отдельную комнату. Хозяйка сразу же дала чай, и попили, и легли спать. Очень устали. Так наступило.

10 апреля утро. Воскресный день. Поговорили с хозяйкой, она была очень любезна и протопила нам баню. Мы помылись, потому что были очень чёрные. Запылились по дороге.

Так началась наша жизнь на новом месте. Далеко от Родины. В Сибири. Нас - латышей – много. Разыскали и других латышей.

На новом местежительство

Так начались дальнейшие будни на новом месте жительства. Несколько дней прожили без работы. Однако позже нужно было работать. Я первый трудодень заработал возя брёвна для строительства сарая. Так прошло время и мы подали просьбу колхозу о добровольном вступлении, что хотя было обязательно. Всё-таки взятые с собой продукты закончились и нужно было занимать в колхозе. Однако со всем этим ещё голодали, но никогда без работы. Это – обеспечивать на разных работах – ходили мы. Эдгар прицепщиком и позже трактористом. И я позже пошёл к нему прицепщиком. Осенью мы это всё отсчитали. Тогда больше получили еды. Летом перешли в новый дом. Однако позже ещё в третий, где сейчас и проводим зиму. Хлеб уже закончился. Начиная с 1950 года начинаю вести более подробный дневник.

Различные вопросы

1. Жизнь в вагоне.
2. Поведение конвоя по отношению к нам.
3. Привыкание к жизни в вагоне.
4. Впечатление о русском народе.
5. Деревня «Ягодное»
6. Многообразие людей.
7. Важнейшие события
8. Обстоятельства жизни.
9. Образы прошлого.
10. Еда.
11. Вид и порядок русских городов.

1.Вагоны были специально обустроены для нашего вывоза нарами и печкой. Ехали долго – поэтому и жить было трудно. С нами был и врач. Мы старались содержать вагон в чистоте и сами мыться. Всё-таки это была интересная жизнь: жить так долго в идущем вагоне, где можно было наблюдать большую часть жизни.

2.Конвои были разные, однако особых событий не было. Большая часть относилась к нам достаточно хорошо.

3.Сначала это было довольно тяжело, ведь мы находились «в идущем домике». Главное – самые необходимые дела, что нужно было делать в отхожем месте, теперь были перед всем эшелоном. Это для латышского человека было большим стыдом. Однако, со временем, нужно было привыкать. Отойти подальше никуда нельзя было. Иначе через окно вагона можно было ясно наблюдать окружающую местность и жизнь русского народа.

4.Впечатление о русском народе было разным. В целом были разные люди и часть из тех, кто понимал наше положение и жизнь. Были и такие, кто нас ненавидел и такие, от кого создавалось странное впечатление. Был большой вор и очень грязный человек. Вообще, от некоторых убегали, а к некоторым ходили.

5.Деревня, в которой мы жили, была довольно старая. У всех домов соломенные крыши. Все дома с 2 комнатами и двери идут со стороны двора. Стаечки маленькие, без крыш, на потолках которых стоит сено и солома. Деревня 2 км длиной. В комнатах металлическая печь и одна большая.

6. См. 4.

7. Важнейшие события такие : Весной хотели поджечь бензиновые баки. Сгорела целая семья из 4 человек. Живым остался только муж. Выбрали нового бригадира.

8. Обстоятельства нашей жизни были очень трудными. Весной несколько дней голодали. Но сейчас получше. Сейчас очень бедно с обувью. Денег совсем нет.

7 января. Пришли две посылки от Карла и Круи.

15 января отморозил первый раз мочку правого уха.

18 февраля. Наш дом развалился

19 февраля. Были Юрги. Перешли в 4 дом.

21 апреля. Сейчас пишу арифметику и готовлюсь к экзаменам. Решил с этого дня записывать все услышанные поучения. До этого времени получили письмо 8 апреля новость о Лиэпае. Ничего нового нет. 1 апреля мы с Янисом ходили в Новиковку. Были и в Тс – е. Видели немножко мир. Хотел идти прицепщиком и сдать экзамен, но в конце передумал, ведь надо сильно бороться. Научился играть на гармошке. Эдгар сильно болел гриппом 10 апреля. У нас новый бригадир Кузма Леонид. Всемирное положение очень тяжёлое. В школе проходят собрания и рассказывают о международном положении. В 1950 году я прочитал 33 книги, из них 28 на русском языке.

22 апреля. Ничего особенного. Субботний вечер, был в детском доме, посмотрел выступление.

23 апреля. Мой день имени. Получили 2 посылки : одну от Миллии и от Зелмы из Берзкална. Ничего особенного больше нет.

26 апреля. Сегодня было собрание и очень брали за займ. Латышей очень выругали.

27 апреля. Сегодня с самого утра уже зовут в контору, чтобы несли деньги. Вчера на собрании рассказывали, что в капиталистических странах принуждают к займам, но и здесь начальник сельсовета вытащил пистолет и пугал латышских женщин только потому, чтобы получить займ. Разве это правильное действие? Нас держат за собак, а не за людей. Вчера играл на гитаре, чтобы выгнать нехорошие мысли из головы.

3 мая первый раз был гром. Другого ничего особого. У нас закончились картошка и мука. Первое мая провели хорошо. 2 у трактористов был бал. Всё остальное по-старому.

Комментарии Юриса Шомаса

10.09.98.

Кто я был в 1949 году? Крестьянский парень 14 лет, зимой учился, летом выполнял сельские работы в хозяйстве родителей, учиться начал в Мазсалацкой средней школе со второго класса, потому что читать научился уже дома. С 1945 года - в Личу школе, где и был арестован.

Учиться начал «в немецкое время», не в здании нынешней школы, потому что там немцы разместили свой госпиталь. Занятия проходили на Рижской улице, в здании интерната, особо ничего не помню. Только очень стеснённые условия для уроков и то, что мы с родственником Карлом Вейде иногда сбегали с уроков на берег Салацы кататься на коньках возле Сниединя.

После изгнания немцев занятия начались в настоящем здании школы, где сохранились значительные остатки медицинских препаратов и оружия, в парке – кресты умерших немецких воинов.

12.09.98.

Помню, как немцы в «Нурмиках» (наш хутор) отступали 21 сентября – в день моего рождения. Один из солдат, узнав об этом, подарил мятные конфеты в упаковке. В саду, под большими липами, в кострах сжигали документы, которые не давали нам, детям, брать из огня. Били об липу трофейные ружья, которые были брошены там же на месте. В разговорах был слышен мощный «капут» и «нах хаузен» - Но это 1944 год.

«День победы» - 9 мая 1945 года – был отпразднован в старом здании Мазсалацкой средней школы. Было небольшое мероприятие, в ходе которого хор школьников 12 класса исполнил «Бог храни Латвию» (я – гимн) на английском языке. После этого день был свободен от уроков – я уехал на велосипеде в Нурмику.

Ярко в памяти первая несправедливость, которую очень переживал. Один из школьников каким-то чёрным карандашом или мелом, идя по коридору, прочертил длинную горизонтальную линию по свежескрашенной стене. Не знаю, по чьему мнению, виновным посчитали меня и, так как не был школьником примерного поведения, был наказан – хотя не сурово – стоянием в углу. Но учительница меня очень допрашивала, настаивала, что мне нужно сознаться в содеянном, но я же знал, что не делал этого и это больше всего меня потрясло. Часто в жизни вспоминаю этот эпизод как доказательство того, что другие люди могут ошибаться, характеризую тебя или приписывая не сделанное, но никто

лучше самого обвиняемого не знает истинный ход событий. Поэтому не молчать, не признаваться в несделанном – таким образом часто можно было наблюдать падение людей в лицемерие.

Второй случай приходит на ум из частной сельской жизни, когда в один субботний вечер мы со старшим братом сбежали, не сообщив родителям, к соседям на вечеринку. Мне это нравилось, потому что уже с подросткового возраста танцевал, на вечеринках играл на цитре, на скрипке, барабанил и, разумеется, были и любимые девушки, даже своя подружка, за которой бегал и мне нравилось ходить на вечеринки. Так как мы вернулись только утром, на другой день последовало наказание нас обоих. Порку ремнём получил старший брат, которого мама обвинила в моём соблазнении, хотя я сам очень хотел на ту вечеринку и вовсе не считал это большим грехом и наказание брата необоснованным. Но ... свои мысли утаил, пообещал, что больше так делать не буду. Часто вспоминаю этот случай как пример, что из-за тебя может пострадать другой человек и, в таком случае, нужно быть справедливым и не нужно молчать – что и старался соблюдать позже в жизни.

В Личу школе был интернат, туда ходил пешком или меня отвозили на лошади на неделю. Учился средне, ничего особо не думая о настоящем и будущем, без особых забот. До тех пор, пока политика не стала вмешиваться в мою жизнь.

В школе начались разговоры о необходимости вступать в комсомольцы, дома наложены неоплачиваемые налоги, после смерти отца в 1947 году мать стала искать помощь у человека, которого отец спас в годы гражданской войны, ездила в волость, район, чтобы выйти из списка «кулаков».

За неуплату налогов начали отнимать, описывать имущество крестьянского хозяйства. В глазах стоит, как некто начал пахать нашу землю – таковой она больше не была. Мама детей пристроила к друзьям и знакомым и фактически наш хутор, как крестьянское хозяйство, больше не функционировал. Так пришёл март 1949 года.

18.11.98.

На 24 марта 1949 года в нашей семье были: мама, три брата – Эдгар, я и Карлис и сестрёнка Анна. Бабушка Майя жила в Берзкалнах у родственников. Отец умер в 1947 году, похоронен на Мазсалацком кладбище. Говорили уже в то время, что в день похорон мужи исполнительной власти ехали в Нурмику описывать имущество, потому

что хозяйство было не способно заплатить налоги, но, встретив похоронную процессию, повернули назад.

Ещё. Очень жаль, что не запомнилось то, о чём мы с мамой разговаривали 24 марта и что это за новости, которые я упоминал. Может быть, также и то, что мамуля раньше узнала об арестах и поэтому все дети были распределены к знакомым, родственникам. Анна – в Сапраше, Карлис, который учился в Раусской школе, пришёл ко мне в Личи. Эдгар где-то скитался. В Нурмике была только одна мама. Может быть, это было известно, потому что всех потихоньку свезли вместе. Ещё деталь. Почему мы с Петерисом слышали, что говорили в канцелярии? Потому что на втором этаже была спальня мальчиков и после того, как мы проснулись, мы слушали вдвоём, припав к доскам пола.

22.11.98.

Когда прощался с И. Апсите, она меня успокаивала, добавила, чтобы слишком не переживал, ведь, может быть, что-нибудь приобрету в своей жизни. Человек всегда вроде становится богаче, если он что-то переживает. Посмотреть на мир, увидеть что-нибудь новое никогда будто бы не будет во вред. Позже в своей жизни часто вспоминал эти слова, потому что, действительно, я никогда не видел бы то, что видел, поездив по Томской области, по Советскому Союзу, начиная от Хабаровска на востоке, до Алма-Аты - на юге.

Встреча возле «Цейпов» с матерью, сестрой Анной и братом Эдгаром, разумеется, была радостным моментом – была ли та неожиданна (ведь не одна семья была разделена и выслана в другую сторону) или запланированная акция для исполнителей – трудно сегодня сказать.

«Дзягузес» всю жизнь помню потому, что здесь солдаты внезапно чего-то испугались, начали громко кричать, бегать с автоматами в руках, кто-то схватился за ведра, которыми почерпнули воду из колодца. Как оказалось, пропал хозяин «Дзягузес» (Паэглис), которого нашли повешенным в вагузе (помещении для хранения повозок). До сих пор в глазах, как, проезжая мимо сарая, его сын Артурс встал, чтобы проститься с отцом – ещё увидеть его. Арестованные женщины просили его ничего только не делать солдатам, потому что последствия были не прогнозируемы, а силы были не сравнимы.

«Последние приветы» Мазсалаце были взмахи руками в сторону тех домов, где жили родные или знакомые, так как улицы были пустыми. Только на горке Сниединя помню пришедшую двоюродную сестру Метту, которая неподалёку жила, она принесла хлеб, дала платок мамуле, потому что становилось прохладно и продовольствия, как и прочих вещей, что мамуля взяла с собой для нашей большой семьи из 5 человек, было больше чем недостаточно.

«Вагон № 54» был 2-осевый вагон для скота, как уже было сказано, с нарами в два этажа, «буржуйкой» посередине, где в полу было отверстие. Наша семья попала (как делили места не помню!) у окна (40 * 60 см примерно) на втором этаже, поэтому недостаток одежды был компенсирован отдалённостью от пола, что было очень важно, когда наш эшелон пересёк Уральские горы и началась широкая Сибирь с ещё сохранившимся снегом.

28.11.98.

Разумеется, что ни один туалет не мог принять такое количество людей - даже один эшелон в такой короткий период времени, что он стоял «в разъездах», Но эшелоны шли через станции, те самые станции Транссибирской магистрали десятками.

Лично мне до сегодняшнего дня это дело представляется прежде всего как унижение человека. Не скотский вагон, так часто упоминаемый, был сам по себе кошмаром, это можно было пережить. Но отношение к тебе, как к скотине, когда нужно было садиться там же возле вагона, между женщинами и детьми, не зависимо от пола и возраста, справлять свои природные потребности, которые с младенческих лет были привычны как интимные вещи. Один раз так и просидел, не освободив живот, нужно было сидеть напротив окна своего вагона и открытых дверей, вокруг ходили знакомые люди.

И ещё, наш эшелон был ни первый, ни последний, который проезжал через эту станцию, поэтому, выйдя из вагона, практически трудно было найти свободное незагаженное место, не говоря уже о запашистости, которая была вокруг. И всё время был страх не отстать от эшелона, о длительности времени стоянки не было известно.

Ещё в памяти из псковской станции. Когда въехали туда и остановились, были сумерки воскресенья. Железнодорожные пути рядом с нашим эшелоном пересекала группа молодёжи во главе с гармонистом. Такая знакомая картина из дальнейшей деревенской жизни России. Мамуля, глядя на эту кучку молодёжи, сказала мне: «Видишь, сынок, если доедем все живы и здоровы, женишься на русской и останешься там». «Никогда» - был мой ответ.

Но никогда не говори «никогда». Всё-таки так и произошло.

Всё время нас достаточно хорошо кормили, очень хорошо, если сравнить с той жизнью, с которой мы столкнулись в Сибири.

23.11.98.

О тех латышских мелодиях, которые будто бы играл – точнее сказать передавал громкоговоритель, всё-таки, видимо, это была иллюзия, печальные размышления о родных песнях. С таким «явлением» встретился в жизни

позже, когда, живя в Сибири, приехал в Латвию (вероятно, в то время, когда стажировался в Москве). Вернувшись в Москву (после гостевания в Латвии) мне казалось, что везде: в магазинах, в транспорте, даже в Ленинской библиотеке все говорят по-латышски. Даже подумал, уж не дни ли латышской культуры в Москве. Но оказалось, что я старался в Риге больше говорить по-латышски, не забыть язык и эта видимость была ничем другим, как следствием этих постоянных мыслей не только говорить, но и думать «по-латышски».

Во-вторых, вряд ли в то время кто-то специально - как думали - передавал в честь нас - латышей - всюду песни, ведь все эти дела о высылке всегда и в тот раз проходили втайне и об этом не говорили громко.

Опять же, вроде как само собой понятное дело описано, что в Ярославле расходятся дороги - в Сибирь или Воркуту. Но как много об этом говорили и не я об этом знал? В нашем эшелоне были мужчины, которые уже однажды были в шахтах Воркуты, в северной части Европы, в лагерях. И именно они, уже ознакомившиеся с ценностями Гулага и направлениями путей высланных, разъяснили эти вещи. Конечный пункт нашей поездки не был раскрыт до последней минуты, может быть, об этом решали в ходе поездки. Ясно было только то, что нас доставят куда-то внутрь России, что не расстреляют (это тоже между собой обсудили, вспоминая 1941 год), что жить нужно будет где-то, так как велели брать с собой вещи. Их количество, как оказалось, зависело от расположения арестовывавшего офицера - кто-то просил собрать побольше, даже побуждал к этому, «службисты» заботились только об одном - «быстрее, быстрее» - всю процедуру провести быстро. Значит, Ярославль, действительно, внёс какую-то ясность.